

1 апреля исполняется 175 лет со дня рождения великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя.

Юбилей великого художника всегда активизирует нашу читательскую память и воображение, вновь побуждает задуматься над личностью творца.

Гоголь — тема неисчерпаемая, взять ли Васильевку детства, Нежин отрочества, Петербург, Рим, Москву. И все, с чем соприкасался Мастер, важно, дорого нам.

учитель-пенсионер, принес в старенький, прежний, музей уникальный экспонат — посмертную маску Гоголя.

Как же попала маска в Диканьку? Вот что сообщила об этом в то время газета «Радянська Диканьщина»: в 1909 году в Москве изготавливали памятник к 100-летию со дня рождения Гоголя. Сюда и доставили из Петербурга оригинал посмертной маски великого художника. Земляк диканьчан Федор Тимофеевич Губа, тогда студент московского Строгановского художественного училища, тайно переслал копию с оригинала. Всю жизнь он сберегал ее у себя. А потом незадолго до смерти подарил брату Андрею.

Пока Дмитрий Михайлович не был директором музея, некоторые экспонаты, связанные с именем Гоголя, пережили приключения, на время «тайнственно исчезнув» (тайнственность заключалась в том, что их кое-кто хотел присвоить). Теперь они появились, но явно уже волею людей. И бережет их Дмитрий Михайлович как зеницу ока.

ГОГОЛЕВСКИЙ ДУБ

Рассказ восьмидесятилетнего Василия Ивановича Дзюбы, жителя села Яреськи,

и любил. С того времени, как я живу здесь, считай, на третью часть дерево выросло, и всегда оно было чистоствольным, как сосна. Вторая дорожка шла до другого — декоративного дерева. И дальше — на выход. Ее тоже посыпали песком... Никто и позднее не трогал дуба, хотя нужда и была. Один раз после войны покусались было спилить, да не дал тогдашний директор школы Савва Спиридонович Бондаренко: как же пилить, когда сажал Гоголь».

В самом деле, необычно прям этот дуб, выращенный на маленькой садовой площадке; мощный, в два обхвата, высокий ствол его гладок и ровен от корней до высокой кроны. Крона же пышна и светла: освещена ярким южным небом. Действительно, так дубовое дерево могло вырасти только при условии, что за ним с первых дней специально и постоянно ухаживали. И люди насчитывают дубу более полутора лет.

То, что этот единственный в Яреськах, на бывшей усадьбе Косяровских — Трошинских — Гоголей, садовый дуб, за которым в начале нашего века ухаживал Василий Иванович Дзюба, а теперь — учителя и ученики расположенной в доме школы,

АНТОН ПАЩЕНКО, СЫН... ПАЦЮКА

Один из диканьских старожил Иван Никитович Кодак — он тридцать лет был режиссером народного театра — с детства хорошо помнит Антона Пащенко, сына того казака, с которого, как здесь убеждены, рисовал Н. В. Гоголь в своих «Вечерах» образ знаменитого Пацюка. Вареники сами летели Пацюку в рот, «а ему только и работы было, чтобы жевать да глотать».

Живет Иван Никитович Кодак в той же бывшей казачьей слободе, а свой рассказ начинает, лукаво усмехаясь, с того, что заколдованное место, описанное Гоголем, до сих пор сохранило свою заколдованность. «Смотри,— говорит,— вели к нам газ, до угла дошли — и вбок; вели воду, до того же угла дотянули, и снова вбок». Помнит Иван Никитович поле, где пас в детстве коров и где пасли не только «подлетки», но и старые деды; очень гордились они, что к их отцам приезжал на бричке сам Гоголь. Вспоминать Кодаку помогает дед Семко. Когда увлекутся, перебивают друг друга, частят, радуются тому, что могут один другого дополнить.

Каким же был Антон Пащенко? Прожил он сто одиннадцать лет, а жена его сто десять. Может, прожил бы дед старшего казацкого корня и дольше, да померла бабка, затосковал, загоревал. И отправился следом за ней.

По утрам выводил дед Антон двух коров: на одной черные латки, на другой — рыжие. У каждой на рогах — привязь. Когда держал их за эти веревки, обеих сразу, то как бы они ни старались, вырваться не могли. Носил дед обычно белые широченные шаровары. К воскресенью выворачивал их, чтоб были чище. Миниатюрная бабка его, говорили, ведьмой была. На какую корову ни взглянет, сбавит га молоко, от своей же пары умели старики надоить молочные реки. Молоко продавали соседям, по копейке горшок, делая зарубку на дверном косяке. Дед звал бабку «душка», она его — «серденько». Сельский староста часто ставил их в пример другим. За один раз съедал Пащенко ведро картошки, выпивал кувшин молока, похвалялся, что батяка его был еще более силен да здоров...

Слободчане любили, когда приезжал «молодой панич Яновского», встречали его, готовили арбузы, мед, грушевый квас. Не миновал Гоголь их и тогда, когда приезжал в родную Васильевку из Петербурга в начале тридцатых годов.

Есть в Диканьке, говорят, и родственники кузнеца Вакулы, чьи рисунки в Троицкой церкви видели и ныне живущие, еще не старые люди.

Этот рассказ я только перевела с украинского языка на русский. А записал его Николай Босак. В свое время выпускник факультета журналистики, он приехал сюда по распределению. И был приятно поражен, что от дедов к сыновьям и внукам перешли и носят в диканьском воздухе рассказы о великом земляке Николае Васильевиче Гоголе. Теперь тщательно и тактично он собирает все, что сохранила добрая, веселая, живая традиционная молва.

ПОСМЕРТНАЯ МАСКА

Н. Босаку, как говорится, сам бог велел записывать: он литератор и журналист. Талант Дмитрия Михайловича Гармаша — помнить. Помнить и сами байки, и людей, от которых он их слышал, от которых можно их услышать снова... И уж истинно с талантом поддерживает Дмитрий Михайлович благоприятствующие об-

стоятельства, микроклимат доброжелательного, ненавязчивого энтузиазма, очень полезные всей культурной жизни Диканьки. Дмитрий Михайлович — директор совсем молодого еще краеведческого музея. Он и добивался его, и, считай, построил, передавая в течение нескольких лет от себя многим действенное желание создать настоящий музей истории и развития района — в память о знаменитом земляке. Займись такую комнату захотелось после 1969 года. В том году Андрей Тимофеевич Губа, диканьский

● Герб Гоголя.

Галина СОРОКИНА

передаю почти со стенографической точностью.

«Отец мой, Иван Саввич, и мать, Мария Николаевна, работали здесь в экономике помещика, хотя все мы рождены и крещены на Яновщине: бо жить было негде и не на что. Тогда усадьбой владели уже Яковлевы. Отец мой был и машинист, и коваль, и слесарь, мог и борону и бочку починить, такие были нужны, пусть и стар, лишь бы работал. И я с семи лет тоже пошел к помещику. Сначала пас свиней, получал полтора рубля. На другое лето — двенадцать телят. Зимой кормил их под наблюдением экономки. А со следующей весны стал помощником кучера — чистил коней и был рассыльным. Посылали меня то на почту, то с вишнями, клубникой, смородиной ранней к знакомым или на станцию. Потом стал помогать и садовнику, чистил дорожки. Особая дорожка была проложена от музыкального балкона к дубу, ее посыпали чистым песком. У дуба была круглая беседка, обитая хмелем. Там столы, скамеечка, цветы кругом. Два раза в месяц ездил я к колодцу за водой для дубка, на Барабашку — это вниз по оврагу с полкилометра. В том колоде вода была особо хорошая. Сами ее даже и не пили: кухарке не под силу было напасты такой воды на всю семью. Привезу бочку, тут уж и садовник с девочками, корешки подправят, землю взрыхлят, чтоб вода проникала лучше. Если какой сучок не так оставят, хозяйка уж тут, спрашивает, зачем не обработан сучок: надо, чтоб дуб хорошо рос, потому как САЖАЛ ЕГО ГОГОЛЬ

посажен Гоголем, весьма и весьма вероятно. Стоит отнестись к подобной легенде самым серьезным образом. И оттого, что достоверность ее здесь связывают с ссылками на вполне конкретных людей, передававших ее из уст в уста. И оттого еще, что Н. В. Гоголь любил дубы и посадил их за свою короткую жизнь довольно много. В Васильевке его руками была разведена целая дубовая роща. А в хуторе на Псле, в Яреськах, где жила вся главная родня маменьки Марии Ивановны, Николша долго оставался единственным и, естественно, любимым внуком у бабушки Анны Матвеевны, у деда Ивана Матвеевича. И сам очень любил эти места, Яреськи и вокруг Яресек. В своих письмах родителям еще из Нежина поклонил, приветил в Яреськи передает он и мальчиком, и юношей — постоянно (как потом постоянно шлет их, став взрослым, из Петербурга, из-за границы):

«...Вижу вас, вижу милую Родину, вижу тихий Псел, мерцающий сквозь лехкое покрывало...»

ТЕАТР В КИБИНЦАХ

Но не только дуб — главный сувенир этих мест. А и тот факт, что здесь, по всей видимости, состоялось первое знакомство Гоголя с театром. Вероятнее всего, первую в жизни театральную сцену и первые представления в лицах он увидел именно здесь, в Яреськах. Хотя бы потому, что и первые сценические выходы отца и матери должны были произойти именно здесь, в Яреськах. Именно в этом дом к богатой Анне Матвеевне, где подрастала будущая жена, тринадцать лет ездил будущий отец Гоголя в качестве же-

ниха. Именно здесь в детские годы выучилась и страстно полюбила танцевать перед зрителями будущая мать писателя.

Широко известны постоянные контакты семьи Гоголей с домом бывшего министра уделов, богача и вельможи, императорского советника Д. Трошинского в Кибинцах. Широко известна и роль тамошнего кибинецкого театра. Но приходится вспомнить, что театр в Кибинцах расцветал в последние одиннадцать лет жизни вельможи, когда, окончательно отойдя от дел в столицах, Д. Трошинский приехал на родину доживать, а умер он в 1829 году. В двадцатые годы и был доверенным служащим у сановного родственника, «благотельца» отец Никоши (будущего писателя) Василий Афанасьевич, умерший в 1825 году. Считается, что первая сцена, которую увидел Н. В. Гоголь, и есть театр в Кибинцах. Однако же для Никоши, родившегося в 1809 году, родным домом после Васильевского, естественно, был дом бабушки Анны Матвеевны, с полутора месяцев растившей Никошину мать, Манечку, Марию Ивановну. Бабушка была замужем за Андреем Трошинским, родным братом вельможного Дмитрия. Дом ее поэтому содержался добротно, каменный, просторный. В бабушкином доме на деньги Трошинских были построены и театральная сцена, и музыкальный балкон, и крыша с куполом для хорошего резонанса. Крышу эту Василий Иванович Дзюба тоже помнит. Помнит приключения, с которыми чинили ее, потому что столетний купол, «как в церкви», в дни юности Василия Ивановича начал оседать. Кровля то и дело давала течь. Естественно, что именно здесь, а не в Кибинцах должны были состояться и первые театральные опыты. Сначала юного — мастера розыгрышей — Василия Афанасьевича (позднее, как известно, он стал автором пьес «Простак», «Собака-визья», а посмертно даже соавтором великого сына, который взял отрывки из пьес отца в качестве эпиграфов к главам «Сорочинской ярмарки», «Майской ночи»). Затем в театральные опыты Василия Афанасьевича включилась и Манечка, что так естественно для жениха и невесты... В Кибинцы своего первенца Никошу они повезли, несомненно, позднее, чем в любимые и родные Яреськи. Чувство зависимости от старика и «благотельца» в общем-то всегда удерживало Гоголей от того, чтобы ездить в его дом с малолетними детьми (да и подростками тоже). К тому же осел Д. Трошинский в Кибинцах, как уже упоминалось, после 1817 года, то есть когда Николаю Васильевичу Гоголю исполнилось девять лет.

...В знаменитых «Черевичках» Александра Довженко, да и в других его кинолентах, действие идет то на крутом боку глубокой балки, то на «шишке» — на горбу яра, то на площадке земли между хатами и обрывом, переходящим в долину, где река и простор. И все это — маленькое село Яреськи, некогда принадлежавшее бабушке Гоголя, но отданное после смерти А. П. Трошинского его сыну (племяннику вельможи — Д. П. Трошинского) за долги. Любил А. Довженко и редкой красоты само село, и дом со сценой, где так часто располагался для работы со своей съемочной группой, любил, говорят, и гоголевский дуб, что в тридцати шагах от дома...